

Павлова И. В.

Киевский национальный лингвистический университет

## ЗООМОРФНЫЕ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ФРЕЙМОВ

В статье исследуются художественные фантастические образы как факт вербализации ментальных процессов (сознательного и несознательного характера) с точки зрения когнитивной лингвистики в аспекте теории фреймов. В ходе анализа образов научно-биологической фантастики выявлено, что в их основе лежит категория зооморфизма. В статье подробно представлена система фрейма 'животное'. Основным механизмом создания образов является агглютинация.

**Ключевые слова:** фантастический образ, зооморфизм, фрейм, слот, вершинный узел, агглютинация.

На современном этапе развития языкознания особую актуальность приобретают исследования языка в связи с человеческим мышлением. Актуальность статьи обусловлена потребностью осмысления принципов создания образа в тексте и необходимостью анализа зооморфного образа в тексте научно-биологической фантастики с точки зрения когнитивной лингвистики в аспекте теории фреймов.

Возникновение зооморфизма связано с представлением общинно-родовых отношений в обобщенном виде и перенесением их на животный и растительный мир [3, с. 110]. Г. В. Плеханов отмечал: "...первоначально человек воображает своих богов в виде животных... Человекоподобные боги возникают лишь впоследствии, как результат новых успехов человека в деле развития своих производительных сил. Но и впоследствии в религиозных представлениях людей долго сохраняются глубокие следы зооморфизма" [5, с. 349-350].

В мифологии роль животного была исключительно велика. Она определялась тем значением, которое имели животные на ранней стадии развития человечества. Использование образов животного в эпосе или в аллегорической системе басен, пословиц продолжает архаическую традицию. В фантастическом художественном тексте зооморфный элемент компилирует в себе ряд современных и древних представлений.

В фантастических текстах А. Р. Беляева особое место занимают образы ирреальных зооморфных существ. Появление данной группы существ в произведении научно-фантастического жанра обусловлено, с одной стороны, ролью животных в жизни человека, с другой – процессом ремифологизации сознания: использованием в текстах не только мифологических тем и образов, но и глубинных моделей, сюжетных схем и структур, аналогичных древнемифологическим.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу репрезентации ирреальных зооморфных существ в фантастическом тексте XX века, определим данные понятия и разработаем идеальную модель образов, то есть их **фреймы**. В тексте произведения "Человек-амфибия" используются имена существительные: *животное, зверь, птица*, апеллирующие к соответствующим **фреймовым структурам**.

Создавая систему **фрейма 'животное'**, мы опираемся на данные зоологии, в рамках которой ученые изучают строение, поведение, размножение, развитие, происхождение, и с учетом степени сходства и родства между особями распределяют их по группам. "Животных объединяют в группы не произвольно, а в соответствии со строгой научной системой, основанной на всестороннем их изучении и установлении степени их родства" [2, с. 46].

**Фрейм 'животное'** является **фреймом первого уровня**, включающим в себя такие понятия как птица, рыба, земноводное, пресмыкающееся, звери (млекопитающее) и др., и соответствующие данным понятиям **фреймы второго уровня** (относительно **фрейма 'животное'**), а также и более низкого уровня (**фреймы**, структурирующие образ животного конкретного вида или конкретного образца).

Описывая структуру **фрейма 'животное'**, мы определяем **вершинные узлы**, так как **слоты** разрабатываются у **фреймов второго** и более низкого порядков.

**Вершинные узлы фрейма 'животное'**

1. **Живой организм**
2. **Биологические и анатомо-физиологические особенности**
3. **Физическая деятельность**
4. **Среда обитания**

Слова **животное** и **зверь** могут использоваться как синонимы, однако понятие **зверь** значительно уже и обозначает класс млекопитающих, кроме представителей семейства – *Hominidae*, род – *Homo*, вид – *sapiens*, то есть человека [2, с. 45, с. 75]. Дефиниции субстантивов **млекопитающие** и **зверь** следующие:

“Млекопитающие – класс высших позвоночных животных, выкармливающих детенышей своим молоком” [7, с. 547].

“Зверь – дикое, обычно хищное животное” [7, с. 360].

Таким образом, **фрейм 'зверь'** является **фреймом первого уровня** для определения **фреймов** различных видов млекопитающих (но **фреймом второго уровня** относительно **фрейма 'животное'**). **Фрейм 'зверь'** имеет следующий вид: вершинные узлы совпадают с вершинными узлами **фрейма 'животное'**, а слоты выделяем для второго вершинного узла. Всего 10 **слотов**: *удлиненное туловище, размер, форма тела, четыре конечности (как правило, пятипалые), относительно небольшая голова, особое строение зрительных органов, пара глаз, тонкий хвост (у некоторых видов редуцирован), кожа покрыта волосами, особое строение зубов, постоянная температура тела*. Первый вершинный узел конкретизирован: *живой организм, высокоразвитое животное класса позвоночных*.

Использование субстантива **гады** для номинации группы зооморфных существ в тексте апеллирует к животным классов пресмыкающиеся и земноводные. Мы определили **слоты второго и четвертого вершинных узлов** для класса пресмыкающихся и для класса земноводных.

**Слоты второго вершинного узла для класса пресмыкающихся**: *тело разделено на голову, туловище, хвост; тело покрыто чешуей; дыхание легочное; на голове расположены пара ноздрей, пара глаз; тело удлиненное; пасть; раздвоенный язык – орган осязания и вкуса*.

**Слоты четвертого вершинного узла**: *наземное животное; водное животное*.

**Слоты второго вершинного узла для земноводных**: *тело разделено на голову, туловище; хвост или есть или нет; четыре конечности заканчиваются пальцами; дышат легкими и влажной кожей; личинка снабжена жабрами; размножаются и развиваются в воде*.

**Слоты четвертого вершинного узла**: *полуназемные, полуводные хордовые животные*.

Рассматривая **фрейм 'животное'** как систему, мы используем сведения, представленные учеными-зоологами. В зоологии система типов животных имеет такой вид: мир живых существ делят на одноклеточных и многоклеточных, далее выделяют типы, одним из которых является тип хордовых, включающий классы (ланцетники, рыбы, земноводные пресмыкающиеся, птицы, млекопитающие) [6, с. 331; 2, с. 45].

Данные классы состоят из отрядов, отряды из семейств, семейства – из родов, роды – из видов. Однако в связи с целями и особенностями избранных объектов нашего исследования мы строим систему *фрейма 'животное'* в несколько усеченном виде:

– под *фреймом 'животное'* мы понимаем основные характеристики существ, относящиеся к типу хордовых, и определяем его как *фрейм первого уровня*;

– субстантивы, обозначающие классы существ (ланцетники, рыбы, земноводные пресмыкающиеся, птицы, млекопитающие), являются организующими *структурами второго уровня*;

– *фреймовыми структурами третьего уровня* выступают конкретные представители отрядов; исключение составляют случаи, когда в тексте произведения используются имена существительные, обозначающие различные отряды существ определенного класса, тогда имена существительные, называющие конкретное существо, определяются нами как *фреймы четвертого уровня*.

Образам зооморфных фантастических существ в произведении “Человек-амфибия” А. Р. Беляева посвящена отдельная глава “Чудесный сад” [1, с. 52–56].

Обобщенно образы фантастического зоосада представлены следующими формами: *столь необычные животные; невиданные звери; уродец; звери, птицы и гады; живые уроды; странные, необычайные животные; необычные гады, звери и птицы.*

Считаем необходимым отметить, что основным свойством живых организмов, поставленным на первое место учеными-биологами (Кемп П., Армс К. и др.), является высокоупорядоченное строение: “химическая организация отражается в упорядоченности структуры и функций любого организма” [4, с. 19].

Однако в тексте произведения автор подчеркивает несоответствие увиденного представлением земного человека (Кристо): *Никогда еще Кристо не приходилось видеть столь необычных животных. В этом саду жили невиданные звери.*

Первыми обитателями чудесного сада являются *ящерица* и *змея*. Данные существа встречаются практически во всех мифологических системах. Устройство мирового древа в мифологии характеризуется наличием трех частей. Троичность по вертикали подчеркивается отнесением к каждой части особого класса существ, чаще всего животных (изредка классов божеств или других мифологизированных персонажей). С верхней частью мирового древа (ветви) связываются птицы (часто две – симметрично или одна – на вершине, нередко – орёл); со средней частью (ствол) – копытные (олени, лоси, коровы, лошади, антилопы и т. п.), изредка пчёлы, в более поздних традициях и человек; с нижней частью (корни) – змеи, лягушки, мыши, ... рыбы... или фантастические чудовища хтонического типа [8, с. 398–405].

“Хтонические существа – мифологические персонажи и животные, связанные одновременно с производительной силой земли (воды) и умерщвляющей потенцией преисподней. В славянской традиции к хтоническим существам относились прежде всего гады... К гадам относятся в основном пресмыкающиеся (прежде всего змеи) и земноводные (лягушки, черепахи и др.)...” [10, с. 102; 11, с. 491–493].

В “Большом толковом словаре” (2004 г.) находим следующее определение исследуемых понятий: 1. Ящерица. “Небольшое пресмыкающееся, с удлиненным, покрытым мелкой роговой чешуей телом, длинным хвостом и хорошо развитыми конечностями” [7, с. 1535]. 2. Змея. “Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног” [7, с. 367].

В специализированном научном издании [2] выделяют следующие особенности класса пресмыкающихся: “Тело этих животных разделено на голову, туловище и хвост. Дыхание исключительно легочное... Тело покрыто *роговыми чешуйками*, или

щитками. Большинство пресмыкающихся – наземные животные. Некоторые виды обитают в воде. ...

*Ящерица* ... Внешне она напоминает хвостатых земноводных, но имеет более стройное тело. Впереди на голове расположена пара ноздрей. Позади них – глаза, защищенные подвижными непрозрачными веками... Время от времени ящерица высовывает изо рта длинный, тонкий, раздвоенный на конце язык – орган осязания и вкуса. Тело ящерицы, покрытое чешуей, опирается на две пары ног” [2, с. 69–70].

Основываясь на вышеизложенном, мы можем определить часть слотов *второго вершинного узла фрейма 'животное'* (особенности строения) для конкретного случая; можно говорить о появлении *фреймов третьего уровня: фрейм 'животное' – фрейм 'пресмыкающееся' – фрейм 'ящерица' и фрейм 'змея'*. Для *фреймов третьего уровня* отмечаем следующие элементы структуры: *слот второго вершинного узла – отсутствие конечностей (для фрейма 'змея')*; *слот второго вершинного узла – две пары конечностей (для фрейма 'ящерица')*.

В тексте *фрейм 'ящерица'* и *фрейм 'змея'* активизируются соответствующими именами существительными. Однако автор указывает на особенности строения организма – *второй вершинный узел*. В *слоте второго вершинного узла фрейма 'ящерица'* происходит изменение: у нее три пары конечностей. На морфологическом уровне это выражено сложносоставным прилагательным *шестиногая*: *Вот, блестя медно-зеленой чешуей, перебежала дорогу шестиногая ящерица* [1, с. 54].

*Фрейм 'змея'* претерпевает изменения на уровне *слотов* (тело разделено на голову, туловище, хвост; пасть) *второго вершинного узла 'особенности строения фрейма 'пресмыкающееся' (фрейма второго уровня)*; а также на уровне *фрейма третьего уровня второго вершинного узла, слота 'отсутствие конечностей'*.

*С дерева свисала змея с двумя головами. Кристо в испуге отпрыгнул в сторону от двухголового пресмыкающегося, зашипевшего на него двумя красными ртами. Негр ответил ему более громким шипением, и змея, помахав в воздухе головами, упала с дерева и скрылась в густых зарослях тростника. Еще одна длинная змея уползла с дорожки, цепляясь двумя лапами* [1, с. 53–54].

Автор использует числообозначения для создания ирреальных зооморфных образов. “Число – одна из важнейших категорий в мифопоэтическом образе мира; средство упорядочения и моделирования Вселенной; в народной традиции – объект семантизации, символизации и оценки.

Элементы числового ряда в своих культурных функциях неравноценны. 2 входит в ряд наиболее значимых чисел (2, 3, 4, 7, 9, 12, 20, 30, 40, каждое из которых получает истолкование в зависимости от тех реалий или событий окружающего мира, с которыми оно соотносится). Число 2 символизирует парность, четность, удвоение, двойничество и получает преимущественно отрицательную оценку, считается дьявольским числом; реже оценивается положительно. Два одинаковых предмета, двойные или сдвоенные предметы могли, по поверьям, принести неудачу и даже смерть” [10, с. 488]. Функционирование числа *два* в тексте получает негативные коннотации, так как используется для создания и описания неприятных (априори) и непонятных (в связи с произошедшими переменами в их облике) человеку животных.

Таким образом, данные существа воспроизводятся с помощью приема агглютинации и гиперболизации.

Важно, что описание “гадов” завершает презентацию обитателей чудесного сада, вероятно, это связано с тем, что реципиент воспринимает окружающее как нечто ирреальное, а данный класс существ является в сознании человека представителем преисподней.

*В водоемах он видел змей с рыбьей головой и жабрами, рыб с лягушечьими лапами, огромных жаб с телом длинным, как у ящерицы...* [1, с. 55].

В данном отрывке автор апеллирует к **фреймам** следующих существ: **змея** (имя существительное *змея*), **рыба** (прилагательное *рыбьей*, имя существительное *рыба*, *жабры*), **лягушка** (субстантивное словосочетание *лягушечьими лапами*), **жаба** (соответствующее имя существительное), **ящерица** (имя существительное). Прилагательное *огромный* в субстантивном словосочетании *огромная жаба* указывает на использование приема гиперболизации для репрезентации объекта.

Мы уже отмечали, что к гадам в мифологии относят, прежде всего, пресмыкающихся (змеи) и земноводных (лягушки, черепахи и др.). Однако и змееподобные рыбы также принадлежат данному классу [11, с. 491]. Таким образом, автор, используя прием агглютинации, создает картину, соответствующую мифологическим представлениям славян.

Следующий образ определяется **фреймом 'свинья'**, он активизируется именем существительным *поросенок*, глаголом *хрюкать*. Ирреальность данного образа происходит из-за усечения и изменения *слота 'особое строение зрительных органов, пара глаз' второго вершинного узла фрейма 'зверь' (фрейма второго уровня)*.

*За проволочной сеткой хрюкал поросенок. Он уставился на Кристо единственным большим глазом, сидевшим посреди лба* [1, с. 55].

Часть предложения *единственный большой глаз, сидевший посреди лба* апеллирует, во-первых, к представлениям о том, что глаз – мифологический символ, связанный с магической силой [10, с. 500]; во-вторых, к мифологическому мотиву одноглазости. В славянском фольклоре “одноглазка – это вариант мифологического образа Лиха, изображаемого в виде одноглазого существа” [9, с. 246]. Нечистая сила также изображалась и в виде свиньи. Таким образом, ирреальное получает негативную коннотацию, которая смягчается лишь тем, что используется существительное со значением детеныша животного.

Следующее существо, активизирующее **фрейм 'крыса'**, приобретает ирреальный вид из-за сложения двух идентичных **фреймов** в одну структуру (прием агглютинации).

*Две белые крысы, сросшиеся боками, бежали по розовой дорожке, как двухголовое и восьминое чудовище. Иногда это двухголовое существо начинало бороться само с собою: правая крыса тянула вправо, левая – влево, и обе недовольно попискивали. Но побеждала всегда правая* [1, с. 55].

В языковом аспекте агглютинация реализуется с помощью числообозначений (числительное *две*), прилагательных, представленных сложными формами (*двухголовое, восьминое*). Фантастичность данного объекта определяется и обращением к имени существительному, чаще обозначающему фольклорный образ – *чудовище*. Природа данного существа объясняется компонентами словосочетания *сросшиеся боками*. В тексте также подчеркнута высокая степень развития интеллектуальных и волевых сфер существа (дважды указывается на то, что животное *двухголовое*), оно воспринимается как единое (имя существительное в единственном числе *существо*, словосочетание с соответствующими местоимениями *начинало бороться само с собою*), но состоящее из двух автономных частей, это выражается в тексте следующим образом: *две белые крысы, правая крыса тянула вправо, левая – влево, обе попискивали, побеждала правая*, а также употреблением глагола во множественном числе *бежали*. Можно говорить о том, что в основе данного образа находит отражение мотив превосходства правой стороны (связь с верой в

превосходство добра) над левой, которая соотносилась в сознании с нечистыми силами [9, с. 328].

Следующее существо, активизирующее **фрейм 'овца'**, приобретает ирреальный вид таким же способом, как и предыдущее, то есть происходит сложение двух идентичных **фреймов** в единую структуру (прием агглютинации).

*Рядом с дорожкой паслись срощенные боками "сиамские близнецы" – две тонкорунные овцы. Они не ссорились, как крысы. Между ними, видимо, уже давно установилось полное единство воли и желаний* [1, с. 55]. Природа данного объекта объясняется фразой *срощенные боками*, и хотя данное словосочетание практически идентично тому, которое использовалось при создании образа ирреальной крысы, следует обратить внимание на то, что употреблено страдательное причастие *срощенные*. Данная форма предполагает воздействие извне, что позволяет рассматривать данный образ как результат чьей-то целенаправленной деятельности. Использование формы множественного числа при создании данного образа свидетельствует о полном сохранении **структуры фрейма**, взятого за основу образа.

Имя существительное *близнецы* соответствует народным представлениям о том, что такие существа являются носителями одной судьбы, а также воплощают двойничество, связанное с отрицательным значением числа "два" [10, с. 488]. Появляются негативные коннотации, связанные с тем, что для реципиента отклонение от нормы является, прежде всего, уродством, о чем свидетельствует использование соответствующего имени существительного.

*Один уродец особенно поразил Кристо: большая, совершенно голая розовая собака. А на ее спине, словно вылезшая из собачьего тела, виднелась маленькая обезьянка – ее грудь, руки, голова. Собака подошла к Кристо и махнула хвостом. Обезьянка вертела головой, размахивала руками, похлопывала ладонями спину собаки, с которой она составляла одно целое, и кричала, глядя на Кристо. Индеец опустил руку в карман, вынул кусок сахара и протянул обезьянке. Но кто-то быстро отвел руку Кристо в сторону. За его спиной послышалось шипение. Кристо оглянулся – Джим. Старый негр жестами и мимикой объяснил Кристо, что обезьянку нельзя кормить* [1, с. 55].

Данное существо соответствует вершинным узлам **фрейма 'животное'** и **фрейма второго уровня 'зверь'**. Полное соответствие **первому вершинному узлу 'живой организм'**, высокоразвитое животное типа позвоночных. Происходит изменение **структуры второго вершинного узла 'биологические и анатомо-физиологические особенности'**. **Третий вершинный узел 'физическая деятельность'** содержит в себе части слотов двух **фреймовых структур**. **Четвертый вершинный узел 'среда обитания'** в данном случае, искусственный ареал.

Существительные *обезьяна* и *собака* объективируют соответствующие **фреймы третьего уровня**. Данные образы являются представителями двух групп млекопитающих: приматы (лемуры, обезьяны...) и хищные (собаки, кошки, гиены, медведи, барсуки, куницы, панды, енот, скунс, мангусты...) [4, с. 81; 2, с. 80]

**Фрейм 'собака'** является основным при создании данного организма, это выражено в наличии авторской оппозиции *большая собака – маленькая обезьянка*.

Однако данный **фрейм** не полностью сохраняется при создании образа ирреального существа: за счет изменения **слота 'кожа покрыта волосами'** (словосочетание *совершенно голая розовая собака*) и нарушен **слот 'форма тела'**. Автор последовательно раскрывает природу данного образа, происходит постепенное узнавание читателем объекта:

– во-первых, используется предлог *на*, а не *в*, семантически более точный в данном контексте (*на ее спине*);

– во-вторых, употребляется сравнительная конструкция (*на ее спине, словно вылезшая из собачьего тела, виднелась маленькая обезьянка – ее грудь, руки, голова*);

– в-третьих, автор подчеркивает, что собака является основным элементом данного существа (использование существительного *собака* в роли подлежащего активизирует *фрейм 'собака'* полностью), сохраняются ее повадки, непосредственное указание на соответствие *седьмому слоту* (существительное *хвост*) второго вершинного узла *фрейма 'зверь'* (*Собака подошла к Кристо и махнула хвостом*);

– в-четвертых, действия обезьянки активны, но не аномальны, и лишь присубстантивное распространительное предложение объясняет природу существа: взятый за основу *фрейм 'собака'* включает в себя и часть *фрейма 'обезьяна'*.

*Обезьянка вертела головой, размахивала руками, похлопывала ладонями спину собаки, с которой она составляла одно целое, и кричала, глядя на Кристо* [1, с. 55].

В свою очередь, активизированный именем существительным *обезьянка фрейм 'обезьяна'* является добавочным, отмечены особенности *второго вершинного узла*: *А на ее спине, словно вылезшая из собачьего тела, виднелась маленькая обезьянка – ее грудь, руки, голова* [1, с. 55]. Автор указывает на нарушение *слотов 1 (удлиненное туловище), 3 (форма тела), 4 (4 конечности), 7 (тонкий хвост)*.

Несмотря на то, что в тексте данное существо активизировано именем существительным *уродец*, автор не описывает его как двухголовое чудовище с шестью конечностями, он использует структуры фреймов и языковые средства, позволяющие максимально быстро воссоздать данный образ в сознании читателя. Реализуется принцип агглютинации.

Важно, что при создании образов фантастических существ, в основе находится та фреймовая структура, которая наиболее приемлема для предполагаемого реципиента.

При создании образов ирреальных зооморфных существ активизируются фреймы разных уровней, обычно это фреймовые структуры третьего уровня, в которых происходит изменение качественного и количественного наполнения слотов второго вершинного узла, чаще всего посредством взаимоперехода слотов одной структуры в другую.

#### Л и т е р а т у р а :

1. *Беляев А. Р.* Избранные научно-фантастические произведения в двух томах / А. Р. Беляев. – Т. 1. – К. : Издательство “Радянський письменник”, 1959. – 580 с.
2. *Биология: Справочные материалы : учебное пособие для учащихся / Д. И. Трайтак, В. А. Карьенов, Е. Т. Бровкина и др. ; под ред. Д. И. Трайтака.* – М. : Просвещение, 1988. – 207 с.
3. *Капустин Н. С.* Особенности эволюции религии (на материалах древних верований и христианства) / Н. С. Капустин. – М. : Мысль, 1984. – 222 с.
4. *Кемп П.* Введение в биологию : пер. с англ. / П. Кемп, К. Армс. – М. : Мир, 1988. – 671 с.
5. *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения в пяти томах / Г. В. Плеханов ; ред. коллегия : М. Т. Новчук и др. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. III. – 784 с.
6. *Хадорн Э.* Общая зоология : пер. с нем. / Э. Хадорн, Р. Венер. – М. : Мир, 1989. – 528 с.
7. *Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов.* – СПб. : Норинт, 2004. – 1536 с.
8. *Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев.* – М. : Рос. энциклопедия, 1997. – Т. 1: А–К. – 671с.
9. *Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев.* – М. : Рос. энциклопедия, 1997. – Т. 2: К–Я. – 719 с.

10. Славянская мифология: Энциклопедический словарь: А-Я / отв. ред. С. М. Толстая ; РАН Институт Славяноведения. – М. : Международные отношения, 2002. – 509 с.
11. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – 584 с.

**Павлова І. В. Зооморфні фантастичні образи в аспекті теорії фреймів.**

*У статті досліджуються художні фантастичні образи як факт вербалізації ментальних процесів (свідомого та несвідомого характеру) з позицій когнітивної лінгвістики в аспекті теорії фреймів. У ході аналізу образів науково-біологічної фантастики з'ясовано, що в їх основі лежить категорія зооморфізму, що потребувало розробки системи фрейма 'тварина'. Основним механізмом створення образу є аглютинація.*

**Ключові слова:** фантастичний образ, зооморфізм, фрейм, слот, вершинний вузол, аглютинація

**Pavlova I. V. Zoomorphic fantastic images in aspect of the theory of frames.**

*The article is devoted to research of an art fantastic image as a fact of verbalization of mental processes (conscious and unconscious character) from the point of view of cognitive linguistics in aspect of the theory of frames. While analyzing the images of science-biological fiction it was revealed, that the categories of zoomorphism is in their basis, that demanded working out the system of frame 'an animal'. Agglutination is the main mechanisms of image's creation.*

**Keywords:** a fantastic image, zoomorphism, the frame, frame system, slot, topmost unit, agglutination.

**Романова Н. В.**

**Херсонський державний університет**

**СЕМАНТИКА SCHWEIGEN У МІЖСОБИСТІСНИХ СТОСУНКАХ  
(НА МАТЕРІАЛІ РОМАНУ Р. ЇРГЛЯ “DIE STILLE”)**

*У статті розглядаються особливості словникової і текстової семантики німецькомовного Schweigen. Дослідження текстової семантики Schweigen на тлі емоційних комунікативних ситуацій дало змогу виявити ознаки діалогічного й монологічного мовчання.*

**Ключові слова:** спілкування, міжособистісне спілкування, мовчання, семантика.

Формування і розвиток мовної особистості великою мірою залежить від характеру її спілкування із іншими людьми. Виокремлюють якісне й неякісне спілкування [7]. Якісне спілкування розглядається як продуктивне чи ефективне, що приносить задоволеність його учасникам, неякісне – як непродуктивне чи неефективне, що виражається через незадоволеність партнерів спілкуванням. Хоч би яким не був тип взаємодії, хоч би як вдало склалися міжособистісні стосунки, воно завжди переплітається із потребою мовців у мовчанні. Причини мовчання криються як у самих мовцях, так і у структурі спілкування [2]. Щоправда, в одних мовців мовчання має яскраво виражений характер, а в інших – ледь помітний. Саме через мовчання відбувається обмін невербальними комунікативними емоціями, навчання і виховання партнерів, засвоєння ними коду невербальної емоційної поведінки.

Розгляду прагматичного мовчання присвячені праці багатьох учених, зокрема, О. Т. Анохіної, Н. Д. Арутюнової, Л. Р. Безуглої, В. В. Богданова, Т. Бруно, Д. Керзона, Н. Б. Корнілової та ін. Проте вивчення семантики мовчання і її вербалізації німецькою мовою у міжособистісних стосунках залишається недостатньо чи фрагментарно висвітленим.